

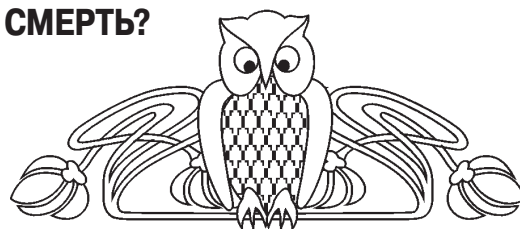
5. Sotnikov E. A. *Zheleznye dorogi mira iz XIX v XXI vek* (The railways of the world from the 19th century to 20th century). Moscow, 1993. 200 p.
6. Chumakov A. N. Culture in the global world: between dialogue and conflict. *Globalistics and globalization studies*. Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd, 2012, pp. 291–299.
7. *Globalistika: entsikl.* Gl. red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov (Global studies: Encyclopedia. Ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov). Moscow, 2003. 1328 p.
8. Lentin A., Tittley G. *The crises of multiculturalism: racism in a neoliberal age*. London, 2011. 274 p.
9. Stepin V. S. Globalizatsiya i dialog kultur: problema tsennostey (Globalization and the dialogue of cultures: the problem of values). *Vek globalizatsii*, 2011, no. 2, pp. 8–17.
10. Guseynov A. A. Globalnyy etos kak problema (Global ethos as a problem). *Etos globalnogo mira*. Moscow, 1999, pp. 87–96.
11. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and intercultural communication). Moscow, 2008. 624 p.
12. Anikin D. A. Fenomen zabyvaniya i dialog kultur v globaliziruyushchemsya sotsiume: rossiyskiy opyt (The phenomenon of forgetting and the dialogue of cultures in a globalizing society: the Russian experience). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–8.
13. Crystal D. *Language death*. Cambridge, 2000. 271 p.
14. Svadost E. *Kak vzniknet vseobshchiy yazyk?* (As the universal language arise?). Moscow, 1968. 270 p.
15. Chumakov A. N. *Sotsialno-filosofskie aspekty globalnykh problem: avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk* (Social and philosophical aspects of global problems: Abstract of the thesis of the doctor of philos. sciences). Moscow, 1991. 47 p.

УДК 304.4

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ?

Шакирова Елена Юрьевна –

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)
E-mail: 5526reu@mail.ru

Современная эпоха – это эпоха быстрых изменений, формирования ценностей, отличных от предыдущих, формирования человека иного типа. Объектом исследования статьи становится человек будущего. Перспективы и риски становления новой реальности – виртуальной – скрывают опасности другого рода – опасности потери человека. Появляющиеся его характеристики как техночеловека, киберчеловека содержат существенную особенность – зависимость человека нового типа от технических средств, им же созданных и уже оказывающих на него огромное влияние. В подобных условиях трансформациям подвергаются основные сущностные ценности человеческого бытия и уже являются основания вести речь о другой культуре – электронной.
Ключевые слова: современность, человек, будущее, виртуальность, ценности, наука, культура, социокультурное пространство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-60-64

Размышление о будущем пронизывают современную гуманитаристику. В кризисной проблематике, столь популярной в настоящее время, акцентируется распад ценностной сферы индивида, что должно привести к глубокой социокультурной перестройке современности. С. А. Храпов, исходя из онтологической связи социума и человека, отмечает, что «кардинальные социальные, культурные, антропологические трансформации позволяют говорить, по сути, о рождении нового человека и общества <...>

Очевидно, что основным фактором нового витка социально-антропологического развития стали социокультурные условия новой социальной реальности, находящейся в онтологической оппозиции по отношению к классическому человеку и его ключевым атрибутам» [1, с. 192].

Появляются многочисленные характеристики человека будущего – киберчеловек, техногенный человек, техночеловек, человек информационный, объединенные единым смысловым пространством: современный человек поглощается техносферой, техногенные метаморфозы изменяют содержание сознания и, следовательно, аксиологическое поле человека настоящего. Зачастую происходящие в ценностной сфере изменения характеризуются негативно. С. А. Храпов, например, подчеркивая рост масштабов информационного поля и увеличение скорости обновления информации, пишет об изменении отношения к знанию: «... большинство обучающихся воспринимают его (знание. – Е. Ш.) лишь как средство социальной адаптации, а к самому знанию относятся весьма формально» [2, с. 54]. Но, как нам кажется, подобное отношение к образованию прослеживается в любую эпоху. Знание всегда и в любой стране рассматривалось

как средство социальной адаптации и продвижения по социальной лестнице, и формальное отношение к знанию свидетельствует о его повороте к практической составляющей, что также было актуально всегда для большинства. Знание в практическом отношении становится информацией, поэтому современное образование нацелено на передачу информации от преподавателя к обучаемым. Отношение к процессу получения знания как к творческому акту, к самому знанию как потенциальному имманентно инновационному механизму развития и самосовершенствования свойственно лишь некоторым, даже – меньшинству. С. А. Храпов также отмечает, что «знание и информация становятся товаром, который их создатели стремятся выгоднее продать» [2, с. 54]. А разве когда-либо было иначе? Знание всегда было товаром и, надо сказать, очень дорогим товаром, и информация – товар, однако не столь дорогой, как знание.

В. С. Степин отмечает, что ценностные изменения меняют культурный темпоритм цивилизации, а значит, можно сделать вывод, что определяют появление какого-то нового типа человека – человека будущего. Какие же ценности определяют переход человечества на новый этап? «1) новое отношение человека к миру природы и обществу; 2) изменение роли традиции и инновации; 3) связь преобразовательной активности человека с наукой и научной рациональностью; 4) доминирование отношений вещной зависимости в сравнении с личной зависимостью, характерной для традиционных обществ; 5) идеал творческой суверенной, автономной личности; 6) научная рациональность и научно-технический взгляд на мир» [3, с. 28]. Позволим себе не согласиться с выделенными ценностями. Во-первых, формирование «нового» отношения человека к миру природы и обществу, связанное с изменением роли традиции и инновации, процесс перманентный. История развития человеческого общества демонстрирует постоянные метаморфозы в паре «традиция–инновация» с перевесом то одной, то другой. Во-вторых, связь преобразовательной активности человека с наукой можно проследить с момента появления феномена науки. Но следует отметить также появление иных оснований преобразовательной активности: гедонизма, роста потребительской активности, значение которых в последние десятилетия возрастает. Следует согласиться с Т. В. Гусаковой, которая пишет о том, что в нашем мире понятие «гедонизм» стало относиться к кодовым [4, с. 221]. Гедонизм – это уже код культуры современного общества, он воздействует на сознание каждого индивида, на все об-

щество в целом, трансформируя его восприятие в образное, развлекательное. В-третьих, идеал творческой суверенной, автономной личности, на наш взгляд, есть прерогатива не всего общества в целом, а лишь некоторых социальных слоев.

Даже в современном обществе, которое постулируется как общество знания, информационное общество, творчество не является ценностью. «Онтологический план творчества меняет свой вектор, – отмечают Р. Х. Лукманова и А. И. Столетов. – Теперь он теряет свою экзистенциальность и существует в форме социального и технического творчества, создающего техносферу. Творческий порыв уступает место инновационности. Осмысление сущего заменяется креативностью. Создатель становится менеджером» [5, с. 1243]. Современное общество нивелировало смысл творчества, а значит, творческая личность уже не предстает как идеал, не является ценностью. В-четвертых, научная рациональность и научно-технический взгляд как доминирующие векторы в мировоззрении в большей степени были характерны для более раннего периода развития общества. Конечно, современное общество зависит от развития науки гораздо в большей степени, чем несколько веков назад. Но научно-технический взгляд на мир уже не является лидирующим, он свойственен лишь меньшинству, что обусловлено многочисленными противоречиями в картине мира, вызванными внутренними противоречиями в рамках культуры и поликультурностью современного общества, где каждая культура претендует на самописание и собственное мировидение. Кроме того, прошел период триумфа науки и торжества практики: в настоящее время на практике активно внедряются научные достижения лишь в некоторых областях, совершенствуется компьютерная техника, появляются многочисленные программы для новейших компьютеров. И, наконец, знание в большей степени становится «ситуативным», да и само понятие знания уже не подразумевает его научности. Появляются многочисленные формы «знания», которыми человеку приходится пользоваться постоянно, но которые не являются научными.

В. С. Степин считает, что «взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину мира – то, что принято называть мировоззрением эпохи» [6, с. 10]. Мировоззрение современности упрощается, низводится до удовлетворения простых потребностей, селфи-ценности становятся лидирующими. При этом наука и научные кадры оцениваются самим же обществом на порядок ниже менеджеров, политехнологов, имиджмейкеров, администраторов в сфере услуг, и причины

понятны: работа первых не столь явна и не дает таких быстрых результатов, как работа вторых. Дискуссию о значимости науки ведут уже давно, поскольку саму эту значимость можно оценивать по-разному, с различных позиций. Статус науки в обществе определяется ценностными установками и устремлениями самого общества, связью с экономикой, технологиями, военно-промышленным комплексом. Научная элита – цвет общества, но увы... не в нашей стране: здесь элитой считаются люди во властных структурах. Сегодня фактически дискредитировала себя аспирантура, которая, согласно реформе образования, стала одной из ступеней образования. В России в настоящее время аспирантура не предусматривает защиту диссертации, она лишь дает сертификат, на основании которого ее выпускник может защитить диссертацию. Абсолютно верное отношение существовало к аспирантуре до всех реформ: это был уровень науки, но не образования. Да и само образование уже не демонстрирует тех результатов, которые были в столь недалеком прошлом. Не следует расценивать эти слова как ностальгию по дням давно прошедшим, это лишь констатация фактов, не более того.

Дискредитация образования, низведение знаний до уровня практических и необходимых в повседневной жизни, широкое распространение технических средств, стандартизированность различных программ, высокая скорость обмена информацией и большой ее объем приводят к метаморфозам архитектуры культуры. Современность становится текучей и парадоксальной. Современное социокультурное пространство обретает черты мозаичности, гибкости и непостоянства связей между элементами. Внедрение высоких технологий в социокультурное пространство приводит к тому, что бытие человека становится настолько зависимым от техники и ее функционирования, что техногенность возводится в ранг мировоззренческого принципа. Виртуальная среда, порожденная техническими средствами, сама уже рождает иную сферу коммуникации, иную социокультурную среду со своими ценностями. Виртуальная среда, порожденная СМИ, создает реальность, не совпадающую с феноменальной, но заставляющую усваивать образцы поведения и мышления, навязываемые при помощи манипуляционных приемов. Бытие человека распадается, оно – мозаично, как и социокультурное пространство, в котором он бытийствует. Но разве бытие человека было когда-либо целостным? Думается, что мозаичность человеческого бытия – это естественное следствие того, что человек существует в мире информации, со-

циокультурных смыслов. И чем их больше, чем больше поток информации, который приходится обрабатывать человеку, тем разорваннее и мозаичнее его экзистенциальность.

Ставя вопрос о появлении и бурном развитии виртуальной реальности, прежде всего мы подразумеваем, конечно, перенос в сферу виртуального содержательных атрибутов и характеристик социокультурного пространства: в первую очередь, коммуникативных практик (межличностного и межгруппового взаимодействия), что подразумевает формирование иных ценностных ориентаций. Известно, что о возникновении виртуальной реальности можно говорить с того времени, как у человека возникла абстрактная форма мышления, но, очевидно, можно выявить существенные отличия религиозно-мифологической виртуальности от современной. Они заключаются в том, что первый тип виртуальности наполнен, главным образом, антропным содержанием и ее единственным создателем является человек. Современная виртуальность имеет разнообразное содержание и её становление – это результат развития социума, ее функционирование отчуждено от автора. Однако зависимость современного человека от приобретающей самостоятельное существование виртуальности весьма велика, потому что она проявляется как отчужденный техно-опосредованный феномен, что является значимой характеристикой виртуализации настоящего.

Для современного человека техника давно уже превратилась из мертвого объекта в нечто большее: неотъемлемую часть его жизни, показатель социального статуса, средство коммуникации и т.д. Зачастую перенос жизненных проблем в электронные системы становится признаком современности: в мире, где человек проводит больше времени, «общаясь» со своим гаджетом или с другими людьми посредством своего гаджета, реальное общение занимает все меньше времени, и он ощущает все меньше потребности в таком общении. Как отмечает Е. Л. Яковлева, «в современном мире происходит интенсивное изменение “человеческого кода” культуры (Запесоцкий Ю. А.)» [7, с. 40]. Человек, проводящий значительное время в сети Интернет, социальных сетях, постепенно трансформируется в созданный им «аватар», «ник». Это дает возможность иначе проявить себя, показать то, что в обычной реальности человек не хочет или не может показывать. Это – вторая жизнь, продолжение реального человека. Пребывание в подобном состоянии в определенном смысле можно сравнить с индийским понятием «майя» – иллюзорности – физического мира, в

котором обитает индивид, живущий в некоей «виртуальной сансаре», с множеством образов (аватаров), перерождений, жизней и смертей [8]. Сегодня можно говорить о становлении нового феномена – виртуального сознания. Виртуализация сознания охватывает сегодня не только геймеров, но и других представителей виртуальных сообществ. Виртуальность привлекательна тем, что человек чувствует здесь свободу действий, особые возможности, поэтому привязанность к этому миру сильна.

Закономерным результатом подобных процессов является появление нового типа культуры – электронной [9], которая предполагает техногизацию человека и его деятельности. Л. В. Баева, анализируя динамику ценностных доминант от классики до информационного «перепостмодерна», отмечает, что ценностные универсалии прошли следующий путь трансформаций: от Разума, Добродетели, Свободы (эпоха Просвещения и рационализма) к Воле, Жизни, Творчеству (эпоха Модерна) и далее к Телу, Игре, Плюрализму (эпоха постмодерна) и, наконец, к Гаджетам, Удовольствию и Программе (эпоха информации) [10, с. 201]. В подобных условиях изменениям подвергаются ценность жизни, человека, слова, окружающего мира. Социокультурное пространство, рискогенное по своей сути, предлагает человеку лишь эрзац-ценности. П. С. Гуревич даже сообщает о том, что человек понемногу сходит совсем на нет, умирает как антропологическая данность [11, с. 26]. М. Н. Эпштейн соглашается и отмечает, что к началу XXI в. идея исчерпания и преодоления человека получила новый импульс в грандиозных успехах технической и особенно кибернетической цивилизации [12, с. 91]. По предсказанию В. Курцвайла, к концу XXI в. мир будет населен, главным образом, искусственными интеллектами в виде компьютерных программ, которые будут способны манифестировать себя в физическом мире в виде роботов и управлять одновременно множеством своих программируемых тел. То, что в настоящее время понимается под субъектом, растворится в информационных потоках [13, с. 34].

Сторонники трансгуманизма, видимо, так не считают. «Трансгуманизм – направление современной философской мысли, в котором в качестве ценностного ориентира выступает проблема преодоления человеческого» [7, с. 40]. Решаются вопросы внедрения в человеческое бытие различных технологий, благодаря которым можно победить старение, смерть, болезни, улучшить умственные и психические способности, что,

с нашей точки зрения, неестественно. Что нас ожидает? Эра техногуманизма (М. Н. Эпштейн), киберчеловек без ценностей в мире электронной культуры? И что это будет – смерть человека или иной «постбиологический» этап развития?

Современность демонстрирует нам невиданные ранее темпы изменений во всех областях социокультурного бытия. Ценностные трансформации свидетельствуют лишь об одном: человечество приближается к иному этапу развития социума и культуры. Остается лишь верить и надеяться, что технологии, известные человеку сегодня, не приведут его к гибели.

Список литературы

1. Храпов С. А. Социоантропогенез : категория и процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 9, ч. 1. С. 192–195.
2. Храпов С. А. Техногенные метаморфозы общественного сознания : содержательный уровень // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 52–59.
3. Колтаков В. А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопр. философии. 2008. № 4. С. 26–38.
4. Гусакова Т. Ф. Современный социум : искушение гедонизмом // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 221–224.
5. Лукманова Р. Х., Столетов А. И. О трансформации понимания творчества в философии // Вестн. Башкир. ун-та. 2013. Т. 18, № 4. С. 1237–1243.
6. Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестн. финанс. ун-та. М., 2011. № 1. С. 8–17.
7. Яковлева Е. Л. Вектор движения : гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм – гуманизм // Балтийский гуманитарный журн. 2014. № 2. С. 40–42.
8. Баева Л. В. Виртуальная сансара : трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. 2012. Вып. 2. С. 44–51.
9. Баева Л. В. Электронная культура // Вопр. философии. 2013. № 5. С. 75–83.
10. Баева Л. В. Виртуализация человека и культуры : аксиологический анализ // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 195–204.
11. Гуревич П. С. Деантропологизация человека // Вопр. философии. 2009. № 3. С. 19–31.
12. Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2. С. 91–105.
13. Kurzweil V. The Age of Spiritual Machines. N.Y., 1999. 400 p.

The Man of the Future: Rebirth or Death?

E. Yu. Shakirova

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force, Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran). 1, Marshal Zhukov str., Syzran, 446029, Russia
E-mail: 5526reu@mail.ru

The modern era is the era of rapid change, the era of the formation of values, different from the previous ones. This is the era of the formation of a human of different type. The object of the study becomes the man of the future. Prospects and risks of new reality – virtual – hide the danger of another kind – the risk of losses of a human. Emerging characteristics of a person as a technoperson, a cyberman contain the essential feature of the new type its dependence on technical means created by him and is already exerting an enormous influence on him. In such circumstances, the transformations are exposed to the basic intrinsic values of human existence, and already there are grounds to talk about another culture – the e-culture.

Key words: modernity, human, future, virtuality, values, science, culture, sociocultural field.

References

1. Khrapov S. A. Sotsioantropogenez: kategoriya i protsess (Socioanthropogenesis: category and the process). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice). Tambov, 2012, no. 9, part 1, pp. 192–195.
2. Khrapov S. A. Tekhnogennyye metamorfozy obshchestvennogo soznaniya: sodержatelnyy uroven (Anthropogenic metamorphosis of the social consciousness: a meaningful level). *Gumanitarnye issledovaniya* (Humanities research), 2011, no. 4 (40), pp. 52–59.
3. Kolpakov V. A. Obshchestvo znaniya. Opyt filosofskometodologicheskogo analiza (The knowledge-based society. Philosophical and methodological analysis). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2008, no. 4, pp. 26–38.
4. Gusakova T. F. Sovremennyy sotsium: iskushenie gedonizmom (Modern society. The temptation of hedonism). *Vestn. Tiumen. gos. un-ta* (Tyumen State University Herald), 2009, no. 5, pp. 221–224.
5. Lukmanova R. Kh., Stoletov A. I. O transformatsii ponimaniya tvorchestva v filosofii (About the transformation of the understanding of creativity in philosophy). *Vestn. Bashkir. un-ta* (Bulletin of the Bashkir University), 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1237–1243.
6. Stepin V. S. Filosofskiy analiz mirovozhrencheskikh universalii kultury (Philosophical analysis of the worldview universals of culture). *Gumanitarnye nauki. Vestn. Finans. un-ta* (Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University), Moscow, 2011, no. 1, pp. 8–17.
7. Yakovleva E. L. Vektor dvizheniya: gumanizm – postgumanizm – transgumanizm – tekhnogumanizm – gumanizm (The movement vector: humanism – the post-humanism – transhumanism – technogenesis – humanism). *Baltiyskiy humanitarnyy zhurn.* (Baltic humanitarian journal), 2014, no. 2, pp. 40–42.
8. Baeva L. V. Virtualnaya sansara: transformatsiya modeli realnosti v usloviyakh informatsionnoy kultury (Virtual sansara: the transformation of the model of reality in terms of information culture). *Informatsionnoe obshchestvo* (Information society), 2012, iss. 2, pp. 44–51.
9. Baeva L. V. Elektronnaya kultura (E-culture). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2013, no. 5, pp. 75–83.
10. Baeva L. V. Virtualizatsiya cheloveka i kultury: aksiologicheskii analiz (Virtualization of human being and culture: axiological analysis). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* (The Caspian region: politics, economy, culture), 2014, no. 2 (39), pp. 195–204.
11. Gurevich P. S. Deantropologizatsiya cheloveka (Deantropologization of the man). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2009, no. 3, pp. 19–31.
12. Epshtein M. N. Tvorcheskoe ischeznoenie cheloveka. Vvedenie v gumanologiyu (The creative disappearance of a person. Introduction to humanology). *Filosofskie nauki* (Russian journal of philosophical sciences), 2009, no. 2, pp. 91–105.
13. Kurzweil V. The age of spiritual machines. New York, 1999. 400 p.